

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НОВЫХ НЕЗАВИСИМЫХ (ПОСТСОВЕТСКИХ) ГОСУДАРСТВ

В. И. Меньковский

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, vmenkouski@gmail.com*

Анализируется значимость памяти о Великой Отечественной войне как уникального героического и трагического события мировой истории в политических, культурологических, медийных практиках новых независимых (постсоветских) государств. Сделан вывод, что в процессе политики памяти входят практики коммеморации, использование образов прошлого при формировании коллективной идентичности, деятельность исторического сообщества, государственных институтов и социальных групп, механизмы общественных дебатов о прошлом, методы работы средств массовой информации с историческим материалом.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Советский Союз; постсоветские государства; Республика Беларусь; «места памяти»; политика памяти; мемориальная культура.

THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE HISTORICAL MEMORY OF THE NEW INDEPENDENT (POST-SOVIET) STATES

V.I. Menkouski

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, vmenkouski@gmail.com*

The article analyzes the significance of the memory of the Great Patriotic War as a unique heroic and tragic event in world history in the political, cultural and media practices of the newly independent (post-Soviet) states. It is concluded that the process of memory policy includes practices of commemoration, the use of images of the past in the formation of collective identity, the activities of the historical community, state institutions and social groups, mechanisms of public debates about the past, methods of work of the media with historical material.

Keywords: Great Patriotic War; Soviet Union; post-Soviet states; Republic of Belarus; “places of memory”; politics of memory; memorial culture.

80-летний юбилей Победы стал ключевым событием для возвращения к обсуждению советского прошлого политиками, средствами массовой информации, профессиональными историками, обществом в целом. Мы употребляем термин «возвращение» поскольку советская история уже была в центре внимания в конце XX – начале XXI в. Потом интерес ослаб, внимание властных элит и общества переключилось на проблемы современности, а история осталась полем деятельности историков. Однако

процесс самоидентификации общества новых независимых государств, поиск «национальной идеи» вернули советскую историю в центр общественного внимания. Положительное отношение к советскому периоду истории, к образу советского государства поддерживается общественным большинством.

В постсоветских государствах произошло «возвращение к истории». История оказалась мобилизована на службу национальному единству, т. е. страны региона оказались на этапе «национализации истории», которые Западная Европа прошла в XIX в. Это привело к актуализации прошлого, повышенному вниманию к истории и к ее активной политизации [см. например, 1; 2].

Современная геополитическая характеристика — «постсоветские», «новые независимые» государства представляется достаточно противоречивой. «Сложность определения феномена „постсоветской идентичности“ связана с несколькими уровнями расслаивающейся социально-политической реальности, которые формируются на основе советского опыта и параллельно ему. Исходя из этого, некоторые эксперты могут отвергать сам явление „постсоветского пространства“, воспринимая его как политический конструкт» [3, с. 54]. В научной литературе до сегодняшнего дня нет консенсуса в определении той территории, которая более 30 лет назад была территорией Советского Союза, а сейчас юридически принадлежит другим государствам. Конечно, «постсоветское пространство», как и любой другой регион — это конструируемое понятие. Вместе с тем, необходимо понимать, что регион «...не появляется „из ниоткуда“. Конструкты такого рода основаны на природном ландшафте и определены реальными отношениями между человеком и тем, что его окружает. Эти основания придают региональной перспективе осозаемость. Иными словами, подобно нациям и государствам, регионы формируются в рамках сложного взаимодействия между изобретенным и реальным, между идеей и материей» [4, chap. Введение. Регионы Российской империи: проблемы дефиниции].

Вероятно, адекватного термина для региона просто не существует, и сегодня продолжают использоваться условные обозначения, позволяющие исследователям понимать друг друга, но крайне уязвимые с научной точки зрения. Нам используемая терминология представляется полезной, но временной, необходимость в которой постепенно исчезнет, и будет заменена использованием понятий новой геополитической реальности, т. е. «постсоветскость» будет восприниматься как временное явление. «...регионы сами по себе историчны. Со временем они меняются — растут, уменьшаются или обретают иной статус. Некоторые становятся отдельными государствами, другие, напротив, теряют свою независимость, и их название

дает имя новому региону» [4, chap. Введение. Регионы Российской империи: проблемы дефиниции]. В отношении сегодняшней практики, мы согласны со спецификой смыслового контекста: «понятие „постсоветское пространство“ подразумевает многоуровневый процесс дезинтеграции некогда единого государства, который продолжается и в настоящее время; понятие „новые независимые государства“ характеризует логику сегодняшнего дня — существование суверенных стран — бывших союзных республик» [5, с. 45].

Республика Беларусь, как и все новые независимые (постсоветские) государства находится в процессе поиска путей самоидентификации и формирования национальной идеи. На этом пути чрезвычайно важную роль играет историческая память. Ключевые положения концепции истории памяти (*memory studies*) были предложены немецким культурологом Я. Ассманом и заключаются в том, что историческая память подвергается постоянной реорганизации в соответствии с запросами современности и благодаря социальной активности современников. Как писал Я. Ассман, «прошлое не вырастает естественным путём, оно является продуктом культурного творчества» [6, с. 50]. Таким образом, представление о прошлом перестает быть неизменным, а термины «историческая память» (как представление о прошлом) и «история» (как прошлое) не синонимичны.

Поскольку в социальных и гуманитарных науках терминология является предметом дискуссий, прежде всего следует объяснить, какое значение (из множества используемых и дискутируемых) вкладывается автором в понятие «историческая память». Мы соглашаемся с пониманием исторической памяти как совокупности научных, квазинаучных и вненаучных знаний и массовых представлений социума об общем прошлом. Историческая память является сложным социокультурным феноменом, связанным с осмыслиением исторического опыта (реального и/или воображаемого), и одновременно выступает как продукт формирования массового сознания.

Важнейшим инструментом формирования исторической памяти является коммеморация, т. е. социальная практика, основанная на мобилизации коллективной памяти о значимых событиях и личностях с помощью материальных компонентов. В этом процессе особую роль занимают «места памяти», объекты материальной и нематериальной культуры (памятники, праздники, эмблемы, торжества в честь людей или событий, картины, песни, книги), в которых воплощена национальная память. По мнению автора термина Пьера Нора, «для того чтобы проект „Места памяти“ стал возможен... потребовалась метаморфоза национальной истории в национальную память» [7, с. 13].

В Республике Беларусь одной из важнейших составляющих превращения национальной истории в национальную память, фактором формирования модерной белорусской идентичности, базирующейся на принимаемых обществом и государством представлений о прошлом стало комплексное изучение истории Великой Отечественной войны, в контексте предшествующих ей и последовавших за ней событий европейской и мировой истории.

Война принесла неизмеримые страдания и потери: разрушенные города и деревни, миллионы погибших и искалеченных судеб. Оккупация Беларуси длилась более трех лет — с 22 июня 1941 г. по 28 июля 1944 г., за это время было уничтожено от 2,5 до 3 млн жителей Беларуси, т. е. не менее, чем каждый третий. На территории Беларуси действовало свыше 260 концентрационных лагерей и мест принудительного содержания. Более 209 городов и посёлков были полностью или частично разрушены. Свыше 9200 деревень были уничтожены, 628 из них — вместе с жителями.

«Места памяти» о героях и жертвах Великой Отечественной войны на территории Беларуси занимают особое место в национальной политике памяти. В Беларуси более 8 тысяч памятников Великой Отечественной войны, из которых 3,5 тысячи — павшим воинам, 2,2 тысячи — партизанам и подпольщикам, 1,4 тысячи — жертвам геноцида. Оценивая значимость этих объектов в контексте политики памяти, в анализе взаимовлияние фактов и символов, мы можем утверждать, что в Республике Беларусь происходит процесс превращения социальных, политических, идеологических, культурных символов Великой Отечественной войны в фактор конструирования реальности.

Историческая память о Великой Отечественной войне выступает фактором сплочения общества, поскольку формируется практически всеми государственными институтами и социальными группами. Современная белорусская ситуация подтверждает вывод П. Нора о том, что «эффект новой организации памяти состоит в том, что у историка отбирается его традиционная монополия на интерпретацию прошлого... Сегодня историк далеко не одинок в порождении прошлого. Он делит эту роль с судьей, свидетелем, средствами массовой информации и законодателем» [8].

В неопределенной, меняющейся ситуации современной исторической политики. многое зависит от корпорации историков. Историческое сообщество, опираясь на научную методологию, проверенные факты, используя современные средства массовой информации способно донести достоверные ответы на многие вопросы прошлого, предложить ту интерпретацию, которая связана не с конспирологией и сенсациями, а с глубинными социальными, национальными, политическими, экономическими проблемами, определявшими в прошлом и определяющими сейчас жизнь каждого человека.

О. Малинова, автор монографии «Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности» отмечает, что «в последнее время власть очень активно взялась за историческую память, за наше прошлое, причем делает это с определенными идеологическими целями. Историки нередко сетуют, что политика, вторгающаяся в поле истории, — это скверно, потому что тем самым история оказывается объектом идеологической интерпретации и злостного политического использования. Историю надлежит оставить историкам. Такая позиция, безусловно, имеет право на существование, однако я попытаюсь с нею поспорить. Моя книга — о том, как прошлое (точнее, его проекции в настоящее в виде истории и памяти) является чрезвычайно важным объектом символической политики. И не может им не быть в современных, модерных и постмодерных обществах. Следовательно, политики не то что не могут не работать с прошлым, они должны это делать» [9, с. 11]. Мы также разделяем позицию о необходимости участия властных структур в формировании политики исторической памяти.

Библиографические ссылки

1. *Бордюгов Г. А., Бухараев В. М.* Вчерашнее завтра: как «национальные истории» писались в СССР и как пишутся теперь. Москва: АИРО-XXI, 2011. 248 с.
2. Историческая политика в XXI веке [Текст]: [сборник статей] / науч. ред. А. Миллер, М. Липман. Москва: Новое литературное обозрение, 2012. 646 с. (Библиотека журнала Неприкосновенный запас).
3. *Казаринова Д. Б., Дунамалян Н. А.* Траектории развития постсоветских идентичностей: подходы, модели, тенденции // Политическая наука. 2022. № 1. С. 52–79.
4. Регионы Российской империи: идентичность, презентация, (на)значение. Под редакцией Е. Болтуновой, В. Сандерленда. Москва: Новое литературное обозрение, 2021. (Historia Rossica). Kindle edition.
5. *Пашковский П. И.* Проблема интерпретации понятия «постсоветское пространство» // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Философия. Политология. Культурология. Том 1(67). 2015. № 4. С. 41–48.
6. *Ассман Я.* Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. 355 с.
7. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Плюимеж, М. Винок; Пер. с фр. Д. Хапаевой; Науч. конс. пер. Н. Копосов. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. 328 с. (Новая петербургская библиотека: Коллекция «Память века»).
8. *Нора П.* Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. № 2. 2005. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/vsemirnoe-torzhestvo-pamyati.html> (дата обращения: 05.03.2025).
9. *Малинова О. Ю.* Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. Москва: Политическая энциклопедия, 2015. 207 с.